

И.Д. Шемякин

Полный чтец-декламатор

**Литературно-художественный
сборник стихотворений и
рассказов, пригодных для
Чтения с эстрады. Том 2**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И.Д. Шемякин**
Полный чтец-декламатор: Литературно-художественный сборник стихотворений и рассказов, пригодных для Чтения с эстрады. Том 2 / И.Д. Шемякин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 608 с.

ISBN 978-5-517-98209-4

ISBN 978-5-517-98209-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ПРОЗА.

Ф. М. Достоевскій.

СЛУЧАЙ СЪ ЧИНОВНИКОМЪ МАКАРОМЪ ДЪВУШКИНЫМЪ*)

Я весь взволнованъ страшнымъ происшествіемъ. Голова моя вертится кругомъ. Я чувствую, что все кругомъ меня вертится. Ахъ, что я разкажу

*) Изъ романа „Бѣдные люди“.

вамъ теперь! Вотъ, мы и не предчувствовали этого. Нѣтъ, я не вѣрю, чтобы я не предчувствовалъ. Все это заранѣе слышалось моему сердцу. Я даже на-медни во снѣ что то видѣлъ подобное.

Вотъ что случилось! — Расскажу безъ слога, а такъ, какъ мнѣ на душу Господь положить. Пошелъ я сегодня въ должность. Пришелъ, сижу, пишу. А нужно вамъ знать, что я и вчера писалъ тоже. Ну, такъ вотъ, вчера подходить ко мнѣ Тимофей Ивановичъ и лично изволить наказывать, что— вотъ, дескать, бумага нужная, спѣшная. Перепишите, говорите, Макарь Алексѣевичъ, почище, поспѣшно и тщательно: сегодня къ подписанію идти. — Замѣтить вамъ нужно, что вчерашняго дня я былъ самъ не свой, ни на что и глядѣть не хотѣлось; грусть, тоска такая напала! На сердцѣ холодно, на душѣ темно. Ну, вотъ, я принялся переписывать; переписалъ чисто, хорошо, только ужъ не знаю и какъ точнѣе сказать, самъ ли нечистый меня попуталъ, или тайными судьбами какими опредѣлено было, или просто такъ должно было сдѣлаться:—только пропустилъ я цѣлую строку: смыслъ то и вышелъ, Господь его знаетъ какой, просто, никакого не вышло. Съ бумагой-то вчера опоздали и подали ее на подписаніе его превосходительству только сегодня. Я, какъ ни въ чемъ не бывало, являюсь сегодня въ обычный часъ и располагаюсь рядкомъ съ Емельяномъ Ивановичемъ. Нужно вамъ замѣтить, что я съ недавняго времени сталъ вдвое болѣе прежняго совѣститься и въ стыдъ приходите. Я въ послѣднее время и не глядѣлъ ни на кого. Чуть стулъ заскрипитъ у кого-нибудь, такъ ужъ я и ни живъ, ни мертвъ. Вотъ точно такъ сегодня, притихъ, присмирѣлъ, ежомъ сижу, такъ что Ефимъ Акимовичъ (такой задирали, какого и на свѣтѣ до него не было) сказалъ во всеуслышаніе: что, дескать, вы, Макарь Алексѣевичъ, сидите, у-у-у? Да тутъ такую гримасу скорчилъ, что всѣ, кто около него и меня ни были, такъ и покатились со смѣху, и ужъ, разумѣется, на мой счетъ И пошли, и пошли! Я и уши прижалъ, и глаза зажмурилъ,

сижу себѣ, не пошевельюсь. Таковъ ужъ обычай мой; они этакъ скорѣе отстаютъ. Вдругъ слышу шумъ, бѣготня, суетня; слышу — не обманываются ли уши мои? Зовутъ меня, требуютъ меня, зовутъ Дѣвушкина. Задрожало у меня сердце въ груди, и ужъ самъ не знаю, чего я испугался: только знаю то, что я такъ испугался, какъ никогда еще въ жизни со мной не было. Я приросъ къ стулу, — и какъ ни въ чемъ не бывало, точно и не я. Но, вотъ, опять начали ближе и ближе. Вотъ, ужъ подъ самымъ ухомъ моимъ: дескать, Дѣвушкина! Гдѣ Дѣвушкинъ? Подымаю глаза, передо мною Евстафій Ивановичъ; говоритъ: „Макаръ Алексѣевичъ, къ его превосходительству, скорѣе! Бѣды вы съ бумагой надѣлали“! Только это одно и сказала, да довольно, не правда ли, маточка, довольно сказано было? Я помертвѣлъ, оледенѣлъ, чувствъ лишился, иду — ну, да ужъ, просто, ни живъ, ни мертвъ отправился. Ведутъ меня черезъ одну комнату, черезъ другую комнату, черезъ третью комнату, въ кабинетъ — предсталъ! Положительнаго отчета, объ чемъ я тогда думалъ, я дать не могу. Вижу, стоятъ его превосходительство, вокругъ него всѣ они. Я, кажется, не поклонился, позабылъ. Оторопѣлъ такъ, что и губы трясутся, и ноги трясутся. Да и было отъ чего. Во-первыхъ, совѣстно; я взглянулъ направо въ зеркало, такъ, просто, было отъ чего съ ума сойти, отъ того, что я тамъ увидѣлъ. А во-вторыхъ, я всегда дѣлалъ такъ, какъ будто бы меня и на свѣтѣ не было. Такъ что едва ли его превосходительству было извѣстно о существованіи моемъ. Можетъ быть, слышали, такъ мелькомъ, что есть у нихъ въ вѣдомствѣ Дѣвушкинъ, но въ кратчайшія сего сношенія никогда не входили.

Начали гнѣвно: „какъ же это вы, судары! Чего вы смотрите? Нужна бумага, нужна къ спѣху, а вы ее портите. И какъ же вы это“, — тутъ его превосходительство обратились къ Евстафію Ивановичу. Я только слышу, какъ до меня звуки словъ долетаютъ: — Нерадѣніе! Неосмотрительность! Вводите въ неприятности! — Я раскрылъ было ротъ для

чего то, хотѣлъ было прошенія просить, да не могъ, убѣжать — покуситься не смѣлъ, и тутъ... такое случилось, что я и теперь едва перо держу отъ стыда. — Моя пуговка — ну ее къ бѣсу — пуговка, что висѣла у меня на ниточкѣ—вдругъ сорвалась, отскочила, запрыгала (я, видно, задѣлъ ее нечаянно), зазвенѣла, покатилаь и прямо, такъ-таки прямо, проклятая къ стопамъ его превосходительства, и это посреди всеобщаго молчанія! Вогъ и все было мое оправданіе, все извиненіе, весь отвѣтъ, все, что я собирался сказать его превосходительству! Послѣдствія были ужасны. Его превосходительство тотчасъ обратили вниманіе на фигуру мою и мой костюмъ. Я вспомнилъ, что я видѣлъ въ зеркалѣ: я бросился ловить пуговку! Нашла на меня дурь! Нагнусь, хочу взять пуговку, — катается, вертится, не могу поймать, словомъ, и въ отношеніи ловкости отличился. Тутъ ужъ я чувствую, что и послѣднія силы меня оставляютъ, что ужъ все, все потеряно! Вся репутация потеряна, весь человѣкъ пропалъ! А тутъ въ обоихъ ухахъ ни съ того, ни съ сего и пошло перезванивать. Наконецъ поймалъ пуговку, приподнялся, вытянулся, да ужъ коли дуракъ, такъ стоялъ бы себѣ смирно, руки по швамъ! Такъ нѣтъ же. Началъ пуговку къ оторваннымъ ниткамъ прилаживать, точно отъ того она и пристаесть, да еще улыбаюсь, да еще улыбаюсь. Его превосходительство отвернулись сначала, потомъ опять на меня взглянули — слышу, говорятъ Евстафію Ивановичу: „какъ же?.. Посмотрите, въ какомъ онъ видѣ!.. Какъ онъ!.. Что онъ!..“ — Ахъ, что ужъ тутъ— „какъ онъ?“ Отличился! Слышу, Евстафій Ивановичъ говоритъ — „не замѣченъ, ни въ чемъ не замѣченъ, поведенія примѣрнаго, жалованья достаточно, по окладу“.. Ну, облегчите его какъ-нибудь, говорятъ его превосходительство.—Выдать ему впередъ“... „Да забралъ говорятъ, забралъ, вотъ за столько-то времени впередъ забралъ. Обстоятельства вѣрно такія, а поведенія хорошаго и не замѣченъ, никогда не замѣченъ“. Я горѣлъ, въ адскомъ огнѣ горѣлъ! Я уни-

ралъ! — „Ну, говорятъ его превосходительство громко — переписать же вновь поскорѣе. Дѣвушка, подойдите сюда, перепишите опять вновь безъ ошибки; да послушайте“... тутъ его превосходительство поспѣшно вынимаютъ книжицкѣ и изъ него сторублевую. Вотъ, говорятъ они, чѣмъ могу, считайте, какъ хотите, возьмите... да и всунулъ мнѣ въ руку. Я вздрогнулъ, вся душа моя потряслась, не знаю, что было со мною; я было схватить ихъ руку хотѣлъ. А онъ-то весь покраснѣлъ, мой голубчикъ, да — вотъ ужъ тутъ ни на волосокъ отъ правды не отступаю: взялъ мою руку недостойную, да и потрясъ, словно ровнѣ своей, словно такому-же, какъ самъ, генералу. „Ступайте, говорить, чѣмъ могу... Ошибокъ не дѣлайте, а теперь грѣхъ пополамъ“.

Ф. Достоевскій.

Оскаръ Уайльдъ.

СЧАСТЛИВЫЙ ПРИНЦЪ.

Оскара Уайльда.

Надъ городомъ, на высококомъ пьедесталѣ, поднималась статуя счастливаго принца. Она была выложена тонкими листами чистаго золота, двумя драгоценными сапфирами сверкали глаза, большой кровавый рубинъ алѣлъ на рукояткѣ меча.

Всѣ восхищались статуей счастливаго принца.

— Онъ прекрасенъ, какъ птица на флюгерѣ, замѣтилъ членъ городского совѣта, желая обнаружить тонкое художественное пониманіе — Конечно, онъ не приноситъ такой пользы, поспѣшно добавилъ онъ, опасаясь прослыть непрактичнымъ.

— Почему ты не похожъ на счастливаго принца? говорила добрая мать сыну-малюткѣ, когда

онъ съ плачемъ требоваль луну. — Счастливый принцъ не сталъ бы плакать изъ-за пустяковъ.

— Хорошо, когда на землѣ есть хоть одинъ счастливецъ, прошепталъ, увидѣвъ дивную статую, гонимый судьбой бѣднякъ.

— Онъ совсѣмъ ангель, говорили, выходя изъ церкви, пріютскія дѣти, въ красныхъ балахонахъ и бѣлыхъ передникехъ.

— Почему ангель? замѣтилъ учитель ариѳметики: — вы видѣли ангеловъ?

— Мы видѣли ангеловъ иногда. . во снѣ... отвѣчали дѣти.

Учитель ариѳметики сурово сдвинулъ брови, — онъ не любилъ дѣтской привычки видѣть сны

Однажды ночью надъ городомъ пролетѣла маленькая ласточка. Шесть недѣль тому назадъ ея подруги умчались въ Египетъ. Она все не рѣшалась покинуть прекрасный тростникъ, который плѣнилъ ея сердце. Въ началѣ весны она встрѣтила его, гоняясь за желтой бабочкой, надъ рѣкой; ласточка поражена была стройностью тростника.

— Позвольте любить васъ! вскрикнула она, не подумавши.

Тростникъ въ отвѣтъ изящно склонился.

Ласточка стала рисовать круги надъ тростникомъ, едва касаясь воды легкими крылышками, разбрасывая серебряныя брызги; она выражала восторгъ любви, и это продолжалось цѣлое лѣто.

— Странное увлеченіе, шептали подруги; — за душой у него ни копѣйки и бездна родни...

Дѣйствительно, вся рѣка была покрыта тростниками.

Настала осень. Подруги улетѣли. Ласточка почувствовала одиночество, ея любовь остыла!

— Онъ не умѣетъ говорить! пролепетала она, — и легкомысленъ... флиртуетъ съ вѣтромъ.

Это потому, что на каждый порывъ вѣтра тростникъ отвѣчалъ глубокими поклонами. „Онъ привязанъ къ жилищу“, разсуждала ласточка, а — я люблю путешествовать, моему мужу это должно нравиться.

— Вы согласитесь сопровождать меня наконецъ, спросила она своего возлюбленнаго; тростникъ покачалъ головкой; онъ былъ привязанъ къ мѣсту.

— Вы шутите со мной! воскликнула ласточка... — Прощайте! Я лечу къ пирамидамъ.

И она умчалась.

Весь день провела она въ пути, къ ночи прилетѣла въ городъ.

— Гдѣ мнѣ ночевать! воскликнула она. — Кто мнѣ устроитъ необходимый приѣмъ!

Вдругъ, она увидѣла статую на высокоиъ пьедесталѣ.

— Здѣсь я устроюсь, рѣшила она: — мѣсто свободное и красивое.

Она опустилась къ ногамъ счастливаго принца.

— У меня спальня золотая! радостно воскликнула она, осматриваясь и устраиваясь.

Она скрыла головку подъ крылышко и вдругъ почувствовала, что упала капля влаги.

— Странно! подумала она: — небо безоблачно, звѣзды ярки, и падаетъ дождь. Климатъ на сѣверѣ Европы ужасенъ. Мой тростникъ любилъ дождь, но это было такъ эгонстично съ его стороны...

Упала новая капля.

— Негодная статуя, — неспособна укрыть отъ дождя! негодовала ласточка:—придется искать ночлега въ трубѣ на крышѣ...

Она собралась летѣть. Расправила крылья, и на нихъ упала третья капля. Она невольно подняла головку и увидѣла...

Глаза счастливаца принца сверкали слезами, крупныя слезы катились по золоченымъ щекамъ. Въ сіяніи мѣсяца, лицо было необыкновенно красиво, и сердце ласточки дрогнуло отъ жалости.

— Кто ты? спросила она.

— Счастливый принцъ.

— Зачѣмъ же ты плачешь? Я намочла благодаря тебѣ...

— Я жилъ, и у меня было человѣческое серд-